

ДЕТСКАЯ ПСИХОДРАМА

в индивидуальной
и семейной психотерапии,
в детском саду и школе

Альфонс Айхингер
Вальтер Холл

**Вальтер Холл
Альфонс Айхингер
Детская психодрама
в индивидуальной и
семейной психотерапии,
в детском саду и школе**

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67577046

*Детская психодрама в индивидуальной и семейной психотерапии, в детском саду и школе: Генезис; Москва; 2022
ISBN 978-5-98563-651-2*

Аннотация

В книге представлен опыт практической работы с детьми методом психодрамы. Авторы подробно описывают особенности применения этого метода в семейном консультировании, в индивидуальной психотерапии с детьми и подростками.

Отдельные разделы книги посвящены профилактике агрессивного поведения детей в детском саду и школе. Приведены программы подготовки воспитателей и учителей к самостоятельной профилактической работе с детьми.

Книга адресована психологам и психотерапевтам, а также учителям, воспитателям и другим специалистам, работающим с детьми и подростками.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	6
1	8
Вступление	8
Работа с фигурами и с куклами как интервенция в семейной терапии	15
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Альфонс Айхингер,
Вальтер Холл
Детская психодрама
в индивидуальной и
семейной психотерапии,
в детском саду и школе**

© Matthias-Grünewald-Verlag, 2002

© Издательство «Генезис», 2005, 2021

© Климова Е. А., Комарова В. В., перевод, 2005

* * *

Предисловие

Мы начали применять психодраму в работе с детскими группами в 1976 году и, накопив большой опыт, описали нашу концепцию групповой терапии в книге «Психодрама в детской групповой терапии»¹.

Эта форма детской групповой психотерапии практикуется в настоящее время в различных профессиональных областях. Мы сами используем этот метод, соответствующим образом модифицируя его, в работе с семьями, отдельными детьми и подростками, а также в профилактической работе с детьми в детских садах и школах, в работе с воспитателями и учителями. Мы описали полученный опыт, и таким образом из практической работы возникла книга для психологов-практиков. Без критики и поддержки наших коллег Барбары Байер, Хельги Шульцхайс, Регины Райзингер и Ойгена Шонле это было бы невозможно.

Мы выражаем особую благодарность Карин Амман за работу с текстом и корректуру. Мы благодарим общество «Каритас» за предоставленную возможность собирать плоды нашей работы и делиться ими с другими.

Мы благодарим госпожу Лаубах из издательства «Матти-

¹ Книга впервые вышла на русском языке в издательстве «Генезис» в 2003 году. – *Примеч. ред.*

ас-Грюневальд» за ее профессиональный интерес и сотрудничество.

Альфонс Айхингер, Вальтер Холл

1

Семейная психотерапия с детьми

Вступление

(*Альфонс Айхингер*)

Уже достаточно давно, в 1936 году, Морено создал теорию психосоциальных сетей и антропологическую концепцию социального атома, в рамках которой разработал системный подход к психическим нарушениям. Он считал, что терапевтам необходимо учитывать значимый для каждого конкретного случая терапии жизненный контекст, важное для клиента окружение и восстанавливать поврежденный социальный атом клиента (*Petzold, 1982*). Терапевтическим школам, которые все симптомы выводят из психодинамики индивидуума, Морено противопоставлял следующие положения:

1. Человек неотделим от жизненного контекста. Его нельзя понять, исходя только из него самого.
2. Отдельная личность всегда находится в процессе взаимодействия с другими.
3. Отдельную личность можно понять только через ее отношения с другими. Она – и составная часть, и сумма отношений (*Hartmann, 1994, S. 125*).

Введение понятия «социальный атом» (Морено считает его наименьшей единицей измерения социальной структуры отношений индивида) дает возможность рассматривать человека в поле его отношений. Морено описывает социогенетическое существование человека, отмечая, что личность не обладает социальным атомом, а сама принадлежит ему. По его мнению, к социальному атому принадлежат отнюдь не только члены семьи, но все, с кем индивид (в нашем случае ребенок) имеет реальные или желаемые отношения.

По Морено, психические расстройства следует рассматривать в первую очередь как нарушения межчеловеческих отношений, неотделимые от контекста окружения, поэтому социальный атом является первостепенным объектом диагностики и терапии. В терапию необходимо включать изучение значимого жизненного контекста клиента и восстановление его поврежденного социального атома (*Moreno, 1959, 1969*).

Несмотря на то, что уже в ранних работах Морено представлена системная точка зрения (Морено называют пионером системного подхода в терапии – см. *Compernelle, 1981*), в психодраматической литературе редко упоминались попытки непосредственного включения в терапию реального социального атома ребенка. Только с 1990-х годов число статей, в которых психодраматическая теория и практика связывались с системным подходом, стало возрастать (*Bleckwedel,*

1992; Bosselmann, 1986; Fryszer, 1993; Hartmann, 1994; Klein, 1988; Knorr, 1992; Lauterbach, 1995; Schacht, 1992; Schmitz, 1989).

Одни авторы стремились к углублению системного процесса, делая акцент на социометрическом аспекте психодрамы, ориентированной на семейную терапию. Так, например, А. Williams, применяя свою теорию «клинической социометрии», попытался проводить циркулярное интервью² иначе, чем терапевты, ориентированные исключительно на вербальный уровень, – он задавал вопросы с социометрической точки зрения. «Для социометриста легко превратить время, интенсивность отношений или различные мнения и точки зрения в пространственную реальность» (Williams, 1994, S. 221).

Другие авторы описывали, как работают психодраматические методы в семейной психотерапии, в процессе которой люди испытывают и переживают свои конфликтные ситуа-

² **Циркулярным интервью**, или **циркулярными вопросами**, системные семейные терапевты называют особый способ интервьюирования, помогающий терапевту получить непредвзятую информацию о взаимодействиях в семье, не становясь жертвой навязываемого ему семейного мифа. Так, терапевт задает вопросы, стремясь высветить различия в отношениях между членами семьи, например, может попросить кого-нибудь из них прокомментировать, как он видит отношения между двумя другими. При этом терапевт часто прибегает к сослагательному наклонению и обращает внимание на невербальное поведение членов семьи. Таким образом, циркулярные вопросы не только собирают данные о семье, но и вводят в систему новую информацию о ней самой, запуская необходимые изменения. – *Здесь и далее примеч. переводчиков.*

ции именно в действии (так как, по Морено, в лечении более эффективны действия, чем разговоры). Это верно как для семьи, которая вместо того, чтобы только говорить о своей проблеме, ее также изображает, так и для терапевта, который встраивает свои интервенции в действия или руководства к действию.

Применяя основные психодраматические техники (дублирование, разговор с самим собой, ролевой обмен, пустой стул, работу со скульптурой) и социометрический метод, мы можем помочь семье увеличить свободу действий и высвободить творческий потенциал ее членов, способствуя их росту.

Преимущество психодраматического метода перед чисто вербальными методами заключается и в том, что психодрама, помещая проблемные ситуации в игровые сцены, делает динамику отношений более доступной для исследования и понимания. Этот метод благодаря своей наглядности дает возможность увидеть проблему более объемно и отчетливо, чем это можно сделать только при помощи опроса и разговора. Системные формы интервенций, когда они превращаются в действия, сильнее воздействуют на членов семьи (Knoog, 1992). Например задаваясь вопросом о будущем, мы можем психодраматически оформить сцену так, что будущее будет непосредственно сыграно и прожито в действии.

Ограниченность возможностей консультации, которая проводится только вербально, особенно быстро обнаружива-

ется в работе с маленькими детьми и их семьями. Например, при циркулярном интервью умение посмотреть на что-то с точки зрения другого «опирается на способность к социальному и эмоциональному принятию на себя чужой позиции, которая, согласно психологии развития, формируется только в младшем школьном возрасте. Познавательных способностей ребенка младше 6 лет недостаточно и для формирования им своей концепции семьи и последующего воспроизведения образцов отношений между поколениями, которые так важны для семейных терапевтов („Мать хочет дать дочери то, чего ей самой не доставало от ее матери”)» (Lindner, 1993, S.61). Когда терапевт работает исключительно на словесном уровне, у маленьких детей нет возможности полноценно участвовать в сессии, поскольку в этом случае к ним предъявляются чрезмерные требования. Поэтому неудивительно, что дети становятся беспокойными, ноют, мешают и начинают испытывать неприязнь к семейным сессиям.

Метод «взрослой» психодрамы благодаря компоненту действия в определенной степени подходит для детской терапии. Однако в работе с семьями, где дети младше 10 лет, этот метод тоже (как и упомянутые выше чисто словесные методы) оказывается ограниченным.

Если мы хотим принять в семейную терапию детей, не предъявляя к ним чрезмерных требований, не обращаясь с ними как с маленькими взрослыми, то мы должны использовать их язык, их способы выражения эмоций и переработ-

ки полученного опыта, а именно игру – «королевскую дорожку» к детям. Игра изображает действительность именно так, как ребенок ее в настоящий момент видит, переживает, чувствует и интерпретирует. Она одновременно является и присвоением, и конструированием реальности, беря на себя задачу ребенка «справляться с жизнью» в данный момент, так как других техник и возможностей в распоряжении ребенка еще нет (*Oerter, 1999*). В игре дети, как и взрослые, находят путь к собственным спонтанности и креативности, и в этом Морено видит ее исцеляющее действие. Детская психодрама может обогатить работу с семьей, используя разнообразные возможности игрового обращения с ней как с системой. Назовем лишь несколько преимуществ детской психодрамы:

- Творческие источники детской игры помогают ослабить излишнюю серьезность взрослых и преодолеть их одностороннюю ориентацию в проблеме.

- Игра ориентирована на ресурсы семьи: в ней делается ставка на спонтанность и креативность, она пробуждает доверие к собственным исцеляющим силам семьи.

- В игре дети, изображая свою действительность, одновременно и изменяют ее, поэтому игра помогает «расшатать» застывшие точки зрения и ригидные образцы поведения. («В игре <...> конфликты будут перерабатываться таким образом, что Я возьмет реванш: или подавив проблему, или найдя приемлемое решение». – *Piaget, 1975, S. 192.*) Следовательно, игра ориентирована не на проблему, а на решение

проблемы. В игре можно наблюдать безграничные творческие способности детей: из неприятной, болезненной для них ситуации они выносят удовольствие и радость и ощущают себя активными существами, удерживающими происходящее в своих руках. Взрослые могут лишь поучиться у детей такой креативности.

- Игра приносит в терапевтическую работу напряженность и удовольствие, что имеет не последнее значение именно в работе с детьми. Так как для многих детей их симптом является решением проблемы, а не самой проблемой, то дети слабо заинтересованы в процессе семейной консультации. Нам необходимо подогреть детский интерес к совместной работе. Это удастся лучше, если работа увлекательна и приносит удовольствие.

Работа с фигурами и с куклами как интервенция в семейной терапии

(Вальтер Холл)

Описанные ниже интервенции с применением фигур или кукол, надеваемых на руку, особенно хорошо подходят для начальной фазы семейной терапии.

Цели этих интервенций:

- организовать по возможности максимально эффективное сотрудничество с семьей;
- с диагностической точки зрения – сформулировать в процессе работы совместную исходную гипотезу;
- способствовать изменениям.

В начале терапии перед нами всегда возникает задача понять динамику семьи, то есть понять, как интрапсихическая система ребенка, которого привели на консультацию, пересекается с интрапсихическими системами его родителей, братьев и сестер и какие взаимодействия между ними поддерживают его симптоматику. Этот вопрос звучит и в жалобах родителей: «Мы не понимаем, почему он так себя ведет. Мы совершенно сбиты с толку! Почему он не перестанет так делать, ведь тогда все было бы хорошо?» Родители бывают особенно рассержены и разочарованы, когда их ребенок не может назвать причин своего поведения или попросту

молчит в ответ на вопрос, почему он так себя ведет. Иногда родители говорят нам: «Может, вы поговорите с ним один на один, а мы побудем в комнате ожидания, сколько потребуется, нам ведь он ничего не скажет!» Из этого можно сделать вывод, что они не воспринимают себя частью семейной системы и не имеют никакого представления о бессознательной динамике в семье. Поэтому мы должны организовывать дифференциально-диагностическую работу так, чтобы в ней могли принимать участие и родители, и дети. Благодаря этому и те и другие начинают лучше понимать динамику и берут на себя больше ответственности за происходящее.

Семья, как правило, хочет знать, что же «обнаружилось» в процессе первой беседы (так называемой разъяснительной фазы), на которой они так много сообщили о себе. Перед нами в таком случае встает вопрос: как рассказать о своем предварительном понимании семейной проблемы, чтобы оно было принято родителями и детьми? Для этой цели хорошо подходит работа с фигурами.

С помощью композиции из фигур животных (мы называем ее скульптурой) можно очень наглядно представить значение отдельных членов семьи – благодаря наличию фигур разного размера, – а также отобразить степень близости между членами семьи. Такая статичная социометрическая расстановка к тому же легко обозрима, ее можно охватить одним взглядом, что дает дополнительное преимущество.

Во время второго терапевтического шага эта статичная

форма может «ожить» и превратиться в какую-либо психодраматическую сцену, в которой дети, побуждаемые терапевтом, начинают совместную игру или же сам терапевт отражает динамику семейных отношений. Применяя технику двойника, можно точнее и глубже понять проблемы семьи, например делая наглядным или действие одного из вытесненных аффектов, или блокирование поведения в результате непереработанного двойственного переживания. Для такого представления можно использовать и кукол, надеваемых на руку, хотя, по моему мнению, социометрическая наглядность и обозримость сцены в этом случае не так отчетливо выражены.

Однако и куклы, и фигуры позволяют передать информацию в игровой форме, причем столь наглядно и выразительно, что она становится понятна и детям, и родителям. При этом все участники терапевтического процесса имеют перед собой одни и те же образы разрабатываемых гипотез.

Мне могут возразить, что имеющихся у терапевта фигур может быть недостаточно для того, чтобы глубже разобраться в проблеме, и, следовательно, смысл, придаваемый фигурам, может значительно исказиться. Например, ребенок берет фигуру разбойника и называет ее «стандартным» разбойничьим именем Хотценплотц, а фигуру полицейского – Димпфельмозером³. В ответ на это возражение могу сказать, что даже если в начале работы с фигурами и используется по-

³ Персонажи популярных в Германии детских книг О. Пройслера.

добное клише, то опасность искажения относительно невысока. Нам важна не сама фигура, символизирующая определенное значение, а то, что человек, выбравший фигуру, приписывает ей в своих высказываниях.

Когда, например, десятилетняя Ева для изображения матери выбрала кошку, мать была заметно уязвлена, потому что она терпеть не могла кошек. И только когда Ева сказала: «К маме ведь так хорошо прижиматься!» – мать улыбнулась, и ее лицо расслабилось. Иногда бывает неожиданным и поразительным то, какая фигура или ее особенность в представлении ребенка в конкретной терапевтической обстановке приобретает для него важность и наполняется смыслом. Ведь кошка в нашем примере была не матерью, а символом определенного аспекта отношения Евы к матери в данной специфической ситуации. Нельзя исключать и такую возможность, что фигура кошки, с ее когтями, зубами и охотничьим нравом, могла бы воплощать и характерные признаки агрессивности и автономии, которые в данный момент Евой все же не были названы.

Так как символ совмещает в себе противоположные стороны, будет правильно, если мы поставим под вопрос наши знания и догадки и не будем перегружать фигуры, которые выбирают дети или родители, чрезмерным смыслом. Кроме того, смысл каждой фигуры можно понять лишь по ее отношению к другим фигурам. В нашем примере Ева выбрала для себя фигурку пастушьей собаки – овчарки, которую она

назвала «диким волком». Теперь уже можно было с большей долей уверенности предположить, какие импульсы возникали у Евы наряду с желанием ластиться и прижиматься.

Следует всегда тщательно продумывать, будем ли мы затрагивать «заподозренную» нами проблему или же будем полагаться на то, что члены семьи на основании бессознательного импульса сами поднимут эту тему (например, в случае Евы – тему агрессивных аспектов ее личности).

Гипотеза, которую мы сообщаем семье, в любом случае должна иметь форму вопроса, мотивирующего семью к совместной работе и дающего ей возможность дополнить гипотезу или же дистанцироваться от нее.

В работе с фигурами я провожу различие между *скульптурой-конфликтом*, служащей для представления актуальной динамики семьи, и *скульптурой-развитием*, которая отражает процесс возникновения семьи и через различные фазы ее развития приходит к актуальной проблемной ситуации.

Иногда создание скульптуры-конфликта возможно уже в конце первой беседы. Для построения скульптуры-развития необходимо, как правило, больше информации, поэтому ее обычно применяют ближе к концу диагностической начальной фазы консультирования.

Прежде чем приступить к описанию случаев, необходимо заметить, что приводимые примеры из практики не воспроизводят процесс консультирования полностью, а служат лишь иллюстрацией возможностей психодрамы, поэто-

му некоторые рабочие аспекты сессий представлены в сильно сокращенном виде.

Скульптура-конфликт

Семья

На консультацию был записан девятилетний Кевин, нормально развитый и очень бойкий мальчик. Он часто конфликтовал с матерью по поводу выполнения домашних заданий. Его пятилетний брат Йонатан был, по словам матери, «легким ребенком».

Мать – очень эмоциональная, говорила так много, что трудно было вставить слово. Отец, спокойный, приятный человек, имел средний воинский чин в Армии и часто неделями отсутствовал дома, последние несколько месяцев находился в Боснии.

Динамика

Отец ожидал, что, возвратясь после долгого отсутствия домой, он сможет расслабиться, а жена будет оказывать ему достаточно внимания. Мать, напротив, ждала, что он наконец-то начнет заниматься сыновьями, а у нее появится время для себя. Однако шумные конфликты между матерью и Кевином во время выполнения домашних заданий приводили к тому, что отец злился и иногда срывался. В результате нагрузка матери возрастала, приводя в конечном итоге к

напряжению между супругами и вызывая соответствующую цепную реакцию. Кевин несколько раз пытался убежать из дома.

Скульптура

Во время первой беседы присутствовали родители и Кевин.

Матери и Кевину потребовалось много времени для описания и изображения своего конфликта. Мать критиковала и жаловалась, Кевин оправдывался и жаловался на мать, которая будто бы его била. Вмешаться в их разговор было трудно. Отец почти всегда только молча качал головой, и мне стоило больших усилий не поступать так же. В таких случаях, чтобы не разжигать ссору между матерью и Кевином, я просил их привести примеры положительного общения друг с другом и спрашивал, как им удавалось этого достичь.

В конце концов я решил, что мне может помочь скульптура из фигур животных, в частности и в том, чтобы как-то канализировать словесный поток матери. Зная, что у меня есть большой выбор фигурок медведей, я начал следующим образом:

«Вы сейчас подробно описали ваши проблемы. И вы находитесь в необычной ситуации в силу вашего (обращаясь к отцу) профессионального участия в миротворческих операциях. Может быть, я пока не могу правильно представить себе, что это означает для вашей повседневной жизни и по

отношению к проблеме, но я хотел бы просто показать вам, что я думаю по этому поводу. Я буду использовать фигурки медведей. Тогда тебе, Кевин, будет легче видеть и понимать, что я имею в виду, и высказывать свое мнение по этому поводу.

Кевин, я знаю, что тебе и родителям часто бывает хорошо друг с другом (я ссылаюсь на описанные ранее позитивные ситуации), но сейчас мы будем говорить о проблеме.

Этого большого, выглядящего несколько свирепо медведя я возьму для вас, фрау Петер, но только для тех ситуаций, когда Кевин не выполняет домашние задания и вы сильно сердитесь. Ведь в таких случаях ваш ласковый и нежный, дружеский характер может и не обнаружить себя.

Рядом с вами я ставлю этого совсем маленького медвежонка, который жует какую-то веточку. Он выглядит довольным, еще не ходит в школу, – это Йонатан.

Кевин, для тебя я беру медведя среднего размера.

В хорошие времена ты так же близок к маме, как и Йонатан, но если возникает ссора, то вы далеко друг от друга (я ставлю медведя напротив фигуры матери, на расстоянии примерно 10–15 см от нее), выручите друг на друга, показываете свои клыки – и, может быть, иногда тебе хочется убежать?»

Кевин соглашается, после чего я поворачиваю его фигуру и, отодвинув ее еще немного дальше, ставлю спиной к медведю-матери. При этом я вопросительно смотрю на Кевина

– он снова соглашается.

«Такое случается и когда твой папа далеко. Я беру для вас, господин Петер, этого уютно сидящего медведя, потому что, я думаю, вы радуетесь, когда снова наступает время возвращаться к семье. Все же я ставлю вас немного в стороне, потому что вы, когда участвуете в миротворческих операциях, не только телом, но и мыслями далеко от дома. (Я ставлю фигуру отца почти в полтора метрах от других фигур.) Это не слишком далеко?»

«Годится», – отвечает отец.

«Для вашей жены это означает, что ей приходится всякий раз справляться со всеми делами одной, причем в течение долгого времени. Когда вы потом возвращаетесь, налицо самые различные ожидания. В вашем случае это желание отдыха, разрядки и близости к семье (я ставлю фигуру отца к семье). Вот так – годится?»

Он поправляет: «Чуть-чуть поближе к моей жене!»

«А вы (я обращаюсь к фрау Петер), напротив, ожидаете поддержки, ждете сильного мужчину. А ты, Кевин, радуешься тому, что можешь вместе с папой что-то сделать, например, сходить в бассейн, как ты рассказывал. Но ты, наверное, побаиваешься, что папа будет строгим из-за трудностей с домашними заданиями?»

Кевин кивает.

«Я поставлю за доброжелательной фигурой отца вот этого медведя, угрожающе вставшего на задние лапы. Он будет обозначать строгость отца, вызывающую у тебя страх».

Поворачиваюсь к отцу: «Наверное, этой фигурой можно обозначить и гнев, который вы испытываете, когда вам становится невмозмуту из-за ссор по поводу домашних зада-

ний?» Отец кивает, усмехаясь.

«Тогда вопрос звучит так: как бы вы могли поддержать свою семью, чтобы ссора не разгорелась еще больше? Потому что ссора рождает страх, и из-за этого ты, Кевин, можешь учиться еще хуже.

Следующий интересующий меня вопрос: почему ты, Кевин, ссорись со своей мамой, хотя она хочет тебе помочь? Ты, наверное, иногда думаешь, что только с тобой ругаются, а Йонатан – любимчик?» Кевин кивает.

«Мы должны тем не менее выяснить и понять, что ты можешь изменить в своем поведении и как твои родители тебе при этом могут помочь, – говорю я и подвожусь итог сессии: – Как я увидел, вы смогли согласиться с большей частью показанного мной, даже если не все удалось отразить с помощью наших фигур. Если вы согласны, мы поработаем с ними и в следующий раз, а пока и у вас, и у меня есть время поразмышлять».

Заключительную часть этой беседы я привел в сокращенном виде, ее полное содержание было важно для контракта, заключенного с семьей, но несущественно для изложения метода.

Комментарии

Введение фигур было неожиданным и вызвало любопытство членов семьи. Это не только ограничило поток речи матери, но также сняло эмоциональное напряжение, которое

достаточно возросло, в том числе и у отца, из-за жалоб матери и попыток Кевина оправдаться и все объяснить. Тем самым было привлечено внимание всей семьи.

Мне могут возразить, указав, что скульптура отражает конфликтную ситуацию и не затрагивает все то положительное, что есть в семье (о чем мы узнали во время беседы в начале работы). С подобными возражениями мне трудно согласиться. Мы признаем компетенцию членов семьи и даем понять им, что происходящие в данный момент конфликты не окажут отрицательного влияния на наше уважение к ним.

Соперничество между братьями было затронуто в беседе лишь коротко, но благодаря маленькой фигуре медвежонка в сцене присутствовал и Йонатан, и родители смогли заметить и ощутить, как по-разному они относятся к старшему и младшему сыновьям.

Фигуру отца я расположил далеко от других фигур. Этим я сигнализировал матери о моем понимании ее ситуации и позволил также отцу увидеть, что его жена часто находится в положении матери-одиночки.

Работа с частями личности отца была осуществлена при помощи фигур двух медведей: агрессивного, стоящего на задних лапах, и уютно сидящего. С одной стороны, эта работа касалась его регрессивных ожиданий, с другой – агрессивной роли, в которой он очутился помимо своей воли. Динамические изменения в системе в результате его возвращения не были отражены в этой скульптуре: я полагал, что для

первой встречи это было бы чересчур.

Благодаря скульптуре обозначились неосознанные противоположные ожидания родителей, приводящие их к разочарованию друг в друге. Постоянные ссоры Кевина с матерью отвлекали их от осознания этих ожиданий. Однако следовало подождать, не заговорят ли родители об этом сами – что они впоследствии, после четырех сессий, действительно сделали.

Итак, скульптура помогала вербально удерживаться на представленной симптоматике и вводить ее в общую динамику развития семьи. Это дало возможность частично снять обвинение с «подсудимого» Кевина. Одновременно была предложена предварительная гипотеза. Она служила «базовым лагерем», отправной точкой для последующих этапов совместной «экспедиции».

Обратится ли семья спонтанно еще раз к фигурам на следующих сессиях, или нам заново придется их вводить, чтобы процесс терапии продвигался, – этот вопрос всегда остается открытым.

Скульптура-развитие

Вторая возможность применения фигур животных в нашей работе – с помощью скульптуры показать в развитии, как возникла семья и как формировалась ее проблематика. Я в таком случае сообщаю о гипотезе совсем немного, кон-

центрируясь в основном на процессе развития семьи. Во время работы при обсуждении каждого изменения в семье надо удостовериться, связано ли это событие из прошлого с актуальным конфликтом. Как правило, к этому моменту уже состоялось несколько сессий, так что мы действительно можем построить скульптуру-развитие. Приведем пример такой работы.

Семья

Девятилетнему Филиппу часто становилось плохо, он жаловался на удушье и неоднократно говорил о том, что больше не хочет жить дома.

На первую сессию Филипп неожиданно взял с собой блокнот, чтобы записывать все, о чем будет говориться. Мальчик выглядел открытым и любознательным.

Мать, 34 года, очень модно одетая, все время приветливо улыбалась, даже если говорила о происходящих событиях, которые, по ее словам, произвели на нее шокирующее впечатление. Женщина оживленно и свободно принимала участие в разговоре.

У нее было заболевание сердца, она перенесла несколько операций и уже трижды находилась на грани жизни и смерти.

Филипп учился в первом классе, когда его родители развелись, перед этим на протяжении двух лет между ними происходили частые и громкие ссоры. Мать самокритично говорила, что у нее с сыном чрезмерно тесная связь и ей очень

тяжело сказать ему «нет» и быть настойчивой и последовательной.

Нынешний неофициальный муж матери жил в семье полтора года, Филипп называл его по имени, Хельмутом.

Динамика

Хельмут высказывался только тогда, когда его спрашивали, но спонтанно в беседу не вступал, даже в ответ на «массивную» критику. В первый год совместной жизни Хельмут попробовал установить с Филиппом дружеские, приятельские отношения и совершенно не вмешивался в его воспитание. В последние месяцы он, напротив, стал вмешиваться и устанавливать границы, мать же не хотела этого. В результате возникали частые конфликты между матерью и Хельмутом, и он отступал.

На сессии мать критиковала Хельмута, говорила, что он, в отличие от начала их отношений, уже долгое время не проявлял по отношению к ней и Филиппу свою симпатию и признание. Хельмут подтвердил, что он «вне игры» и разочарован тем, что его мнением не интересуются.

Скульптура

«Филипп, я хотел бы показать тебе, как я представляю себе развитие вашей семьи, – но для этого мне нужна твоя поддержка. Ты можешь найти для себя, мамы, папы и Хельмута фигуры животных?»

Уже во время беседы фигуры вызвали у мальчика живой интерес, и он сразу согласился. На свой блокнот он перестал обращать внимание. Филипп выбрал фигурки и прокомментировал: «Для моего папы я возьму гориллу Кинг-Конга, потому что, когда я был маленький, я иногда его боялся, а сейчас больше не боюсь. Я буду леопардом: леопард сильный. Мама – жирафа, а Хельмут – слон, он тоже сильный».

Построение скульптуры-развития происходит следующим образом.

Я ставлю Кинг-Конга и жирафу совсем близко друг с другом (телесный контакт) и говорю, обращаясь к Филиппу: «Было время, когда твоя мама и твой папа были влюблены друг в друга и они жили вместе. А потом на свет появилась ты. Куда мы поместим маленького леопарда, маленького Филиппа, слева, или справа, или в середину?»

Филипп отвечает: «Конечно в середину!» – и, поощряемый мной, ставит фигуру леопарда между жирафой и гориллой.

«Да, точно, – добавляю я, – вот как можно это показать при помощи фигур. Когда двое любят друг друга, их ставят вместе, а когда они друг друга не понимают – дальше друг от друга, а при ссоре – еще дальше! К сожалению, твои родители через несколько лет уже не так хорошо понимали друг друга, все чаще возникали ссоры, и, когда тебе было шесть лет, они развелись». Я отодвигаю Кинг-Конга примерно на 20–25 см в сторону.

Филипп сам проявляет активность: отодвигает Кинг-Конга еще на столько же и опускает его угрожающе поднятые руки, которые он до этого сам поднял. «Я теперь вижу его не так часто!» – говорит он при этом.

«После этого твоя мама и ты жили у бабушки и дедушки, очень близко друг к другу, в одной комнате. После развода тебе, наверное, было очень важно пережить то, что мама здесь, с тобой, и никуда не денется. Кроме того, твоя мама была очень больна, и ты заботился о ней – видишь, между тобой и мамой была очень тесная связь».

Филипп: «Да, точно, мы иногда даже боролись!» С этими словами он берет своего леопарда, прыгает им жирафе на шею, они падают, и Филипп кладет леопарда на жирафу. Мальчик оставляет фигуры лежать в таком виде.

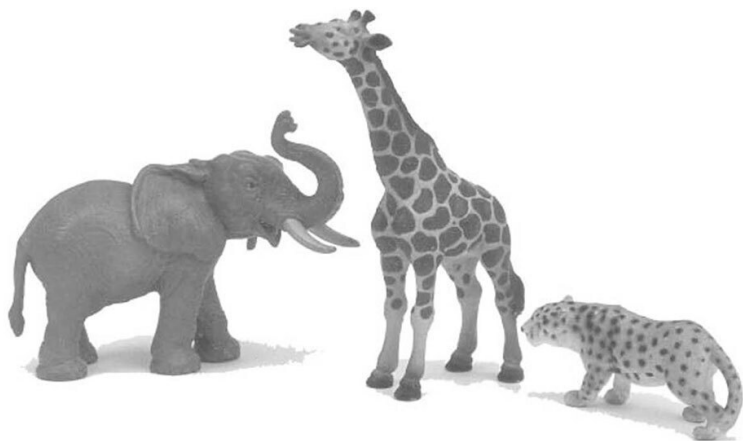
«Потом появляется еще и Хельмут, – говорю я. – Куда ты хочешь его поставить?» Филипп ставит его очень близко, но так, что фигуры не соприкасаются.

«Иногда Хельмут был тебе как друг, он играл с тобой». С этими словами я беру леопарда, снимаю его с жирафы и отставляю подальше. Слона я ставлю рядом с леопардом, так что теперь они оба (леопард и слон) явно отделены от матери.

«И все же в последнее время что-то изменилось. Иногда Хельмут вел себя так, как будто он отец в семье. Он мог быть и недовольным, мог сказать „нет”. Он не был больше приятелем». После этих слов я отодвигаю слона на небольшое расстояние, ставлю его напротив леопарда и, говорю: «Слон трубит сейчас: „Нет”!»

Это пугает жирафу, и она, обеспокоенная, встает между ними.

Однако слон обижается и отступает. И у всех отвратительное настроение». С этими словами я беру слона, поворачиваю его спиной ко всем остальным и отодвигаю его в сторону на расстояние 10–15 см.

Я постоянно использую визуальный контакт, чтобы удостовериться, согласна ли со мной семья.

Кроме того, мы в процессе работы выясняем, что жать и Хельмут это изменение не обсуждали. Поэтому Филипп мог настраивать их друг против друга, что приводило к конфликтам между матерью и Хельмутом, после которых Хельмут отступал.

Я говорю Филиппу: «Быть может, ты думал: „Ой-ой-ой,

сейчас опять начнется! Вдруг слон одичает и станет как Кинг-Конг? Я лучше сбегу к моим дедушке с бабушкой!”». И я отодвигаю леопарда подальше от других фигур и ставлю его спиной к ним. «Да, у бабушки и дедушки всегда здорово!» – соглашается мальчик.

В заключение мы договариваемся о следующей встрече, посвященной роли Хельмута в семье.

Комментарии

Тесная связь между матерью и сыном и «периферийное положение» Хельмута были ясны с самого начала. Такую расстановку фигур я хотел представить не только как реактивное отклонение, но и как результат семейного развития. Я и в дальнейшем уделял внимание процессу триангуляции⁴ в этой новой «семье». Во время работы с фигурами животных стали очевидны еще и другие темы:

1. Тема эдипова конфликта. Возможно, на него указывали действия Филиппа с леопардом по отношению к жирафе-матери. Или же это был образ, служащий защитой от темы болезни и смерти матери.

2. Тема связи Филиппа с родным отцом. Тот факт, что отдельные фигуры в скульптуре невозможно «потерять из ви-

⁴ Триангуляция – специфическое понятие семейной терапии, означающее образование «треугольников отношений», когда в диадические семейные отношения в условиях эмоционального напряжения и в ситуации угрозы для их существования вводится третье лицо или нечто другое (работа, алкоголь и пр.) с целью ослабить напряжение и смягчить конфликт.

ду», является бесспорным достоинством и преимуществом скульптуры. Кинг-Конга в нашей игре нельзя было не заметить, не была также упущена и его личностная значимость для Филиппа. Все участники сессии все время видели эту фигуру, даже если осознанно еще не направляли на Кинг-Конга своего внимания.

Хельмут показался мне в целом очень сдержанным и замкнутым, и я спрашивал себя, действительно ли год назад он был более эмоциональным, или же сейчас мать воспринимает его реалистичнее. Вероятно, на следующих встречах Хельмут смог бы больше раскрыться.

Как скульптуру-конфликт, так и скульптуру-развитие можно перевести в динамическую сцену. Иногда, если я чувствую, что семья очень замкнутая, я сам проигрываю динамику, «приправив» ее по возможности мягким юмором. Это «зеркальное отображение» семьи не вызывает у ее членов никакого сопротивления, потому что они чувствуют себя достаточно дистанцированно по отношению к фигурам, стоящим на полу у их ног.

Используя игру, легко включить в совместную работу детей, и, что важнее всего, в игре они лучше понимают, о чем идет речь. Это верно также и в отношении родителей, которые не раз говорили мне, что, лишь увидев скульптуру, они смогли правильно представить себе, какое влияние на них всех оказало происшедшее событие (например, рождение брата или сестры, переезд и т. д.).

Наглядность картины благодаря фигурам лишает симптоматику чуждости и тревожности, и семья может понять «нарушения поведения» скорее как указание или намек на что-то, а не как «патологию».

Для иллюстрации приведем пример инсценировки конфликта, в которой мы исходили из скульптуры-развития. Построение этой скульптуры служило введением и разогревом. Конфликт был разрешен благодаря интервенциям.

Семья

Между одиннадцатилетним Тобиасом, учеником гимназии, и другими членами семьи все чаще возникали конфликты, после которых мальчик в депрессивном настроении замыкался в себе.

Тринадцатилетняя сестра и девятилетний брат хорошо понимали друг друга и часто объединялись против Тобиаса. Мать, служащая аптеки, и отец, специалист в области информатики, были в хороших партнерских отношениях.

Тобиас от рождения был очень импульсивным, полным сил, все пробовал, ему и сейчас было трудно признать существование границ. Он был прилежным, хорошим учеником. Правда, на переменах у него часто возникали конфликты из-за мелочей, прежде всего с учениками старших классов. При этом Тобиас часто не осознавал, что он проигрывает им физически.

Когда мать ласково возилась с Тобиасом, он плакал от

умиления, сильно регрессировал и становился из-за своей ненасытности очень назойливым. Матери с трудом удавалось препятствовать тому, чтобы эти искренние близкие отношения между ними не заканчивались ссорой. Самым замечательным для Тобиаса было то время, когда отец на выходных что-то делал вместе с ним одним.

Динамика

В настоящее время Тобиас чувствовал себя в семье «черной овцой в стаде», очень завидуя брату и сестре. Что бы ему ни поручали, он все воспринимал как несправедливое обращение с ним и часто отказывался выполнять порученное. Конфликты нередко заканчивались тем, что он убегал из дома или с плачем закрывался в своей комнате.

Скульптура

На первую встречу родители захотели прийти одни, без Тобиаса, чтобы рассказать о волнующих их проблемах. Отец и мать были озабочены и растеряны.

На второй встрече был и Тобиас. Сначала я напомнил мальчику о том, что его родители один раз уже были здесь без него, потому что им кажется, что они делают что-то неправильно, и им хочется, чтобы между ними и Тобиасом было меньше ссор. Затем, чтобы мальчик обратился к своим ресурсам, я побеседовал с ним о школе, семье и свободном времени. Далее я попросил его рассказать о тех конфликт-

ных ситуациях, в которые он чаще всего попадает.

Тобиас: «Например, я всегда должен приносить молоко. Это несправедливо! Если я не иду, мама кричит, и потом я убегаю из дома!» Во время рассказа его голос становится все резче и громче, а глаза наполняются слезами. Чтобы не дать сильному волнению окончательно завладеть Тобиасом, я сказал (привожу здесь краткое содержание): «Да, невесело тебе... Я не совсем уверен, правильно ли я представляю себе, что у вас происходит. Может, будет лучше, если я тебе это покажу? Ты мне поможешь?» Он раздраженно кивает. «Выбери фигурки животных для себя и для всех остальных из твоей семьи». Тобиас выбрал следующие фигурки: мама – лошадь, папа – бык, брат – крокодил, сестра – большая лошадь, он сам – большой медведь.

Введение и разогрев я начал с построения скульптуры-развития. Первоначально она состояла только из родителей, затем показывала, как изменяются семейные отношения с рождением каждого последующего ребенка. При этом стало видно, что Тобиас занимает позитивное центральное место. Я закончил построение вопросом к Тобиасу: «Как будут стоять фигуры, если в эти выходные у всех в семье будет хорошее настроение? Поставь их, пожалуйста, так, чтобы было хорошо видно, где самое лучшее место для тебя».

Тобиас ставит себя (большого медведя) между родителями, а свою сестру (большую лошадь) – с другой стороны от матери. «Так было бы лучше всего», – комментирует он.

«Твои родители тоже этого хотят, поэтому они и пришли сюда вместе с тобой», – заключаю я.

Таким образом, цель работы, общая для Тобиаса и для его родителей, стала наглядной.

Следующим шагом в нашей работе было создание скульптуры-конфликта. Я обращаюсь к Тобиасу:

«Давай выясним, что же у вас там происходит? Посмотрим повнимательнее на эту злость и досаду из-за молока, ты согласен? Из-за этого вы с мамой рассержены и, разочарованы, а корова удивляется, почему же никто не забирает ее хорошее молоко». Тобиас одобрительно смеется.

«Я покажу тебе, как я себе это представляю. (Я устраиваю сцену на полу в центре комнаты.) Посмотри, тремя длинными деревянными брусками я выкладываю кухню мамы-лошади. Она говорит своему сыну-медведю, что он должен принести молока. А комната медведя-сына... Может она быть между камнями около этой пальмы?» Тобиас соглашается: «Это здорово, потому что медведь как раз в горах живет». Легко заметить, как он во время организации психодраматической сцены начинает фантазировать и выходит на символический уровень.

«Твой папа еще на работе. – Я ставлю быка около стула отца. (Тем временем я сажусь вместе с Тобиасом на пол, чтобы приступить к игре.) – Сестра и брат сейчас где?» – «В их комнате», – отвечает Тобиас и неожиданно ставит брата-крокодила и сестру-лошадь к стулу матери.

«Сейчас полседьмого вечера, и лошадь ржет: „Привет, медведь! Мог бы ты принести молока?“» – такими словами я начинаю сцену, при этом двигаю фигуру лошади поближе к медведю и смотрю на медведя, а не на Тобиаса, чтобы подчеркнуть символический уровень происходящего. Мальчик выжидательно откидывается назад, для меня это признак того, что он еще не может играть вместе со мной. В ответ на это я, вопросительно глядя на Тобиаса, обмениваюсь ролями с его медведем и продолжаю: «Бррум, как это так?! Я же вчера приносил! Сегодня пусть крокодил принесет!» Я беру лошадь: «Нет, очередь крокодила была вчера, а сегодня – твоя!» Медведь: «Не может быть, бррум! Всегда я! Это несправедливо!»

«Лошадь злится?» – спрашиваю я. Тобиас и мать соглашаются. Мать вкратце изображает, как она ругается, и я проигрываю это с фигурой лошади на символическом уровне.

«Что теперь делает медведь?» – поворачиваюсь я к Тобиасу. «Он разозлился и убежал в свою пещеру», – говорит он, двигает медведя по направлению» к камням и прячет его между ними. «А если лошадь сейчас сюда придет?» – спрашиваю я, одновременно двигая лошадь по направлению к пещере. «Тогда медведь положит камень перед входом в свое жилище», – отвечает Тобиас и кладет камень так, что медведя больше нельзя увидеть. Лошадь думает вслух: «Ой-ой! Сейчас мы снова поссорились, хотя мы и друзья. Что же мне теперь делать?» Таким образом я изображаю ре-

акцию матери, которая мне рассказывала об этом на прошлой встрече.

Интервенция: «А можно еще и по-другому поиграть. Я сейчас разделю медведя-Тобиаса на дружелюбного медведя (я выставляю медвежонка) и разгневанного медведя (я ставлю рядом фигуру большого агрессивного медведя, вставшего на задние лапы. Оба медведя стоят напротив лошади). Я представляю себе, что это две части, которые ты в себе чувствуешь: желание, чтобы мама тебя любила, как ты ее любишь, – и гнев, который ты испытываешь, когда с тобой несправедливо обращаются. Тогда история, наверное, будет такая».

И я облакаю в слова амбивалентность этих двух сторон: «Жаль, что снова произошла ссора». – «Но я не хочу всегда ходить за молоком!» и т. п.

Чтобы сохранить только что введенный символический уровень четким и ясным, я не двигаю фигуры, а указываю на них рукой. Боковым зрением я наблюдаю за Тобиасом, чтобы видеть, соответствует ли действительности то, что я говорю, однако диалог не прерываю. После этого я изображаю следующее: маленький медведь печален и, хочет к маме, а разгневанный медведь не позволяет ему этого. Тобиас совершенно заморожен происходящим.

Я усиливаю драматизм и двигаю лошадь-мать, опираясь на рассказ матери на нашей прошлой встрече: «Медведь!

Выходи сейчас же!»

«Убирайся! – рычит разгневанный медведь. – Видишь мои лапы? Бррум!»

Тобиас одобрительно смеется, когда лошадь убегает прочь.

«И никто не замечает, как печален маленький дружеслюбный медведь», – добавляю я, после чего Тобиас начинает горько плакать и с несчастным видом замыкается в себе.

У матери выступают слезы на глазах, отец также тронут и, чтобы утешить Тобиаса, кладет ему руку на спину.

После того как мальчик немного успокоился, я начинаю

следующую интервенцию. «Когда же дружелюбному медведю все-таки удастся стать Главным?» – спрашиваю я Тобиаса. Он после некоторых раздумий рассказывает мне о своем друге Яне, как он с ним договаривается, например, о том, продолжать ли дальше строить шалаши на дереве или начать играть в футбол. Тобиас выбирает для Яна фигуру слона. Время от времени я действую фигурой разгневанного медведя, который, побуждаемый своим эгоцентризмом, пытается помешать игре друзей. Но маленький медведь не хочет позволять большому медведю испортить дружбу, и я поддерживаю его, действуя фигурой слона.

Интервенция: «Можно ли сказать, что это нехорошо, когда разгневанный медведь ведет себя как Главный и подавляет дружелюбного медведя? – спрашиваю я и, как в цирковом номере, „сажусь” большим медведем на маленького. – Было бы лучше, если бы и дома к дружелюбному медведю больше прислушивались, как здесь во время переговоров со слонем?»

«Хочешь поиграть с диким медведем, Тобиас? Можешь, например, сказать: „Это несправедливо, я не пойду за молоком!” Или что-нибудь другое, что тебе в голову придет. Я буду маленьким дружелюбным медведем, если ты согласен». Тобиас соглашается на обмен ролями, и после нескладного начала мы приходим к веселому, несколько передрамматизированному разговору-ссоре между двумя частями.

Время от времени я играю лошадью-мамой, упрекая разгневанного медведя, но тем не менее возражаю ей от имени маленького медведя: «Не смотри всегда только на сердитого медведя, иначе ты забываешь, что и я тоже тут». Эта последняя реплика предназначалась специально для матери.

Под конец я прошу дружелюбного медведя сказать разгневанному: «Ты очень-очень сильный и упрямый. Но ты так портишь всем настроение! Я быстро приношу молоко, ведь я футболист! И пока ты бесишься, я уже снова буду тут. Дело сделано, и у нас есть еще время поиграть. Можешь мне помогать во время ссор, на школьном дворе, но не здесь!»

Тобиас под конец сессии выглядит совершенно расслабленным, и мы договариваемся, что он до нашей следующей встречи должен понаблюдать, подтверждается ли мое предположение о двух его медвежьих сторонах.

Я предлагаю на следующей встрече поразмышлять, как мама-лошадь и дружелюбный медведь могли бы позаботиться о том, чтобы разгневанный медведь им меньше мешал.

Комментарии

Так интенсивно и долго можно работать только с ребенком, который готов к этому и интеллектуально, и психически.

Построение скульптуры-развития было не только методическим разогревом. Оно также служило тому, чтобы в ре-

троспективе наглядно показать Тобиасу: хотя он и чувствует себя «паршивой овцой в стаде», он любим и принадлежит семейной иерархии. Можно предположить, что с помощью скульптуры уменьшились также страх мальчика перед новым, неизвестным ему событием – «консультацией психолога» – и его опасения стать обвиняемым.

Среди многочисленных мелких стычек в семье я выбрал для обсуждения на сессии «молочный» конфликт потому, что он был типичным и не слишком драматичным. Кроме того, для общей динамики было очень важно косвенно представить тему соперничества братьев и сестер, пусть даже и не проработав ее.

Обозначив кухню и место для отступления медведя (за камнями), мы создали психодраматическую сцену – пространство, приглашающее двигаться и играть. Такое место многие дети начинают спонтанно оформлять, показывая тем самым свою способность и готовность перейти на символический уровень и связывая это «сценическое пространство» со своими внутренними образами. Наряду с этим внутриличностным разогревом в фазе «строительства» также происходит сближение между ребенком и психологом и установление отношений между ними.

Хорошая связь, возникшая между Тобиасом и мной, позволила мне проявлять достаточную активность, которая не воспринималась мальчиком направленной против него.

Мера терапевтической активности – вообще, серьезный

вопрос. Так как на предыдущей сессии состоялся отдельный разговор с родителями, я уже знал достаточно много, чтобы создать первую гипотезу о семейной динамике. Кроме того, в этом разговоре была намечена «целевая область»: родители хотели лучше понять собственную роль в конфликтах и побуждающие мотивы их сына, которые приводили к симптоматическому поведению. Родители хотели, чтобы их сыну помогли, чтобы он не запутывался снова и снова в своем упрямстве.

Я считаю, что на обсуждаемой сессии в интересах эффективности терапии было целесообразно проявлять достаточную активность, чтобы заложить совместную платформу для дальнейшей работы. Конечно, при этом необходимо ориентироваться на семью, на ее эмоциональную оценку и видение проблематики: наблюдать за невербальными реакциями, подхватывать и поддерживать дополняющие высказывания, в сомнительных случаях задавать уточняющие вопросы. По эмоциональным реакциям членов семьи я понимаю, принимает ли семья мои взгляды и интерпретации, поправляет и уточняет их или же отвергает.

Слушая высказывания родителей по поводу скульптуры-развития, Тобиас получил наглядное и недвусмысленное подтверждение того, что у него есть свое место в семье и родители его любят. Динамическая модель семьи дала родителям возможность более дифференцированно взглянуть на собственное поведение, так что они, вероятно, во время бу-

дущих конфликтов уже не будут так сильно реагировать на отказы и агрессию со стороны Тобиаса.

Конечно, очень важно и участие в работе самого Тобиаса. Поэтому в качестве следующего шага я обыграл положительную ситуацию с его другом Яном, в которой Главным был дружелюбный медведь, чью позицию я мог усилить посредством инсценирования. Кроме того, родители в этой сцене пережили новый опыт: как они могут относиться к различным сторонам личности своего сына.

Последняя сцена служила для интеграции противоборствующих сил. Я попросил Тобиаса быть в игре «разгневанным медведем». Мое грубое и резкое исполнение этой роли в предыдущих сценах приносило мальчику большое удовольствие, поэтому можно было ожидать, что он примет участие в этой последней сцене. И я еще больше облегчил ему «вхождение» в роль своим высказыванием: «Это несправедливо, я не пойду за молоком!» На этот раз последовала ссора между Тобиасом и мной, что ему, очевидно, очень понравилось, потому что я на символическом уровне восхищался его агрессией. Если раньше ему в таких случаях было тяжело и он плакал, то сейчас тяжесть терапевтической работы снялась, что было для него благотворно. Такое завершение сессии, по-видимому, способствовало тому, что мальчик с охотой согласился приходить на дальнейшие встречи.

Если с помощью фигур развить совместную начальную гипотезу, то затем ее можно прорабатывать самыми различ-

ными способами. Тобиас, например, много раз спонтанно использовал возможность символически представить течение конфликта с помощью фигурок.

Так же и родители, познакомившись с таким способом работы, как правило, без колебаний и оговорок представляют с помощью фигур свой собственный взгляд на семейную динамику и свои конфликты, даже если вначале им и был необходим побуждающий импульс.

В следующих примерах описывается, как можно после скульптурной работы перейти к психодраматической ролевой игре и какие интервенции при этом возможны.

От скульптуры к ролевой игре

Семьи, приходящие на консультацию, в разной степени готовы принять участие в ролевой игре. Положительный индикатор такой готовности – открытое и живое участие всех членов семьи в беседе с самого ее начала и установление хорошего контакта с терапевтом. При работе с фигурами скульптуры мы можем видеть, как дети и родители реагируют на образно-сценический метод работы. Взрослым чаще всего нужно преодолеть довольно высокий психологический порог, и им требуются разъяснения терапевта, помогающие войти в игру. Поэтому наша собственная уверенность и удовольствие, получаемое от игры, оказывают большое влияние на то, смогут ли родители принять участие в ролевой игре.

Работа, сочетающая скульптуру и ролевую игру, описывается в следующих примерах.

Семья

Семья проживала в большом поселке, где жили также родители матери и отца.

Отец, 36 лет, чиновник.

Мать, 32 года, служащая, работала неполный день.

Дети: Рюдигер, 11 лет, Барбара, 8 лет, Ян, 4 года.

Рюдигер – крупный, полный сил и энергии, легко идущий на контакт мальчик, прежде очень хорошо успевал в школе. Примерно год назад он стал упрямым, отказывался выполнять просьбы как в школе, так и дома, особенно если речь шла о домашних заданиях. Результат: ежедневные конфликты дома, растерянность родителей, плохие отметки.

Динамика

Рюдигер всегда был активным ребенком и, как первый внук, – «принцем» в большой семье. Однако в первом классе он оказался в роли козла отпущения, от которой он так и не смог больше освободиться. Он стал в определенном смысле «негативным принцем», получая желаемую порцию внимания окружающих в виде реакции на свое «плохое» поведение. В данном случае большую роль, вероятно, играло его вытесненное соперничество по отношению к Яну.

Скульптура

В описании беседы с семьей, в которой скульптурно прорабатывалась тема «родители и Рюдигер», оставлена лишь существенная информация.

Рюдигер выбрал следующих животных: отец – лев, мать – лошадь белой масти, Рюдигер – крокодил, сестра – жираф, брат – буйвол.

Сначала Рюдигер размещает животных группой рядом друг с другом и говорит, ставя крокодила: «Я в середине, потому что я – наследный принц!» Родители подтверждают, что так называли его бабушки и дедушки.

Интервенция: «Если ты упрямисься, ссорисься с мамой»

из-за домашних заданий, то ты стоишь, наверное, вот тут – и, вероятно, не чувствуешь себя больше кронпринцем?» Во время этого замечания я отставляю крокодила от семейной группы на добрых полметра.

У Рюдигера глаза наполняются слезами.

«Но ты же не только крокодил, упрямый и злощип, я слышал еще, что на самом деле ты умный и сообразительный. Какое животное могло бы представлять твои ум и смешиленость?» – развиваю я свою интервенцию.

Рюдигер выбирает лису, и мы говорим о том, какое влияние имеет лиса на крокодила и наоборот.

Так как семья открыто и оживленно принимает участие в работе, я считаю возможным на следующих сессиях предло-

жить им ролевою игру в которой они проиграли бы ситуацию с домашними заданиями, стоящую у всех «поперек горла». Семья объявляет о своей готовности, и мы все вместе идем в игровую комнату, потому что там больше возможностей для «оформления» пространственных связей.

Чтобы познакомиться со скульптурой, снять излишнюю серьезность ситуации и таким образом устранить психологическое давление на семью, я предлагаю им следующие роли.

«Вы, господин X, пожалуйста, сыграйте упрямую крокодильскую часть вашего сына. Вы, госпожа X, в роли белой лошади сделаете так, чтобы крокодил не лежал на своем месте в центре, а стал из-за домашних заданий совсем непослушным и упрямым. А ты, Рюдигер, будешь хитрой, смекалистой лисой, которая наблюдает за происходящим из своего укрытия, и если ты согласен, то я буду играть старого лиса, который дружит с лисой». (Эту вспомогательную роль двойника я ввожу для того, чтобы иметь возможность вести диалог с Рюдигером.)

Затем мы вместе строим угловой диванчик и стол на кухне, где Рюдигер обычно выполняет домашние задания.

И тут становится наглядным важное сопутствующее обстоятельство, которое, вероятно, без построения декораций и без инсценирования осталось бы незамеченным: задав вопрос, где обычно находится мама, я узнаю, что она чаще всего сидит в гостиной рядом с кухней и смотрит с 4-

летним Яном детскую передачу по телевизору. На Рюдигера же она обращает внимание, только чтобы его проконтролировать и поторопить, так как она не ожидает, что мальчик что-то сделает сам.

Поэтому мы строим также и гостиную с телевизором и софой перед ним. Гостиная отделена от кухни изразцовой печью.

Первая сцена

Сначала родители проигрывают ситуацию с выполнением домашних заданий, а Лиса и Старый Лис прячутся за печью и наблюдают за происходящим. Когда конфликт в самом разгаре, Старый Лис спрашивает Лису: «Лиса, как ты думаешь, ведь у Лошади нет никаких шансов против Крокодила с его панцирем? Она еще и рада будет, если Крокодил ее не укусит, правда?» Рюдигер смеется.

Старый Лис: «Сколько это еще продлится?»

Рюдигер отвечает: «Еще долго!»

Старый Лис: «Как ты думаешь, Лиса, ты ведь умная и хитрая, выйдет из этого что-нибудь путное?»

Лиса: «Вот глупый Крокодил, его же на улице друзья ждут!»

Старый Лис: «Но сейчас он, кажется, так разозлился, что ему все до лампочки. Что тут можно сделать, как ты думаешь?»

Лиса: «Я сейчас пойду туда и скажу ему, что друзья

ждут!»

Рюдигер подкрадывается к отцу (Крокодилу) и шепчет ему что-то на ухо, тот после некоторых колебаний начинает писать в тетради.

Я заканчиваю сцену на этом месте и благодарю всех за совместную игру, так как теперь могу все представить себе гораздо лучше.

Вторая сцена

Вслед за этим я перехожу к следующей сцене: «Рюдигер, я бы мог показать тебе то, о чем я сейчас думаю, – хочешь?» – и после его согласия создаю следующую сцену.

Отца я сажаю на место зрителя. Мать прошу занять место на софе перед телевизором, а Рюдигеру поручаю прижаться к маме так же, как это делает маленький Ян: «Ты сейчас маленький Рюдигер, как тогда, когда тебе было столько лет, сколько сейчас Яну». На мой вопрос, что за фильм смотрят мама и Ян, Рюдигер смог без колебаний ответить – он был в курсе дела. Потом я объяснил, что сейчас я в роли большого Рюдигера, школьника, сиюзу за уроками на кухне и думаю вслух. Я сказал примерно следующее: «Какая несправедливость! Я должен здесь сидеть и учить уроки, а мама и маленький братик уютно устроились перед телевизором! Я тоже ничего не буду делать! Но ведь мама скоро снова придет и – я это точно знаю! – начнет придирааться. Меня вообще очень часто несправедливо ругают, но они мо-

гут об меня обломать себе зубы – у меня панцирь крокодила! На самом деле я ведь не крокодил, а кронпринц! Наверное, они об этом забыли!»

Все внимательно слушали. После моего вопроса Рюдигер признал, что тут есть доля правды. А родители рассказали о многочисленных положительных сторонах своего сына: он – разумный мальчик, на него можно положиться, он всегда готов прийти на помощь и т. д. Тем самым родители – может быть, ненамеренно – усиливали его «лисы стороны» и косвенно поддерживали его желания: быть принятым и понятым членами семьи и занять в семье место «кронпринца».

Затем в коротком обсуждении игры отец смог высказаться из своей роли. Он сказал, что для Рюдигера, вероятно, было очень тяжело в одиночку преодолевать свое упрямство. Мать отметила, что во время сессии она смогла отчетливо осознать, как глубоко, вероятно, Рюдигер переживал ее неодинаковое отношение к нему и к маленькому Яну. А Рюдигер сказал: «У мамы такие теплые ноги, маленьким быть так замечательно».

Я еще раз высказал родителям и Рюдигеру мою признательность за их готовность принять участие в такой игре, ведь они могли иначе представлять себе семейное консультирование, и отец, улыбаясь, подтвердил мое предположение.

Четыре недели спустя все трое сообщили, что дела у них

идут значительно лучше.

Комментарии

Важной отличительной чертой этой инсценировки были различные обмены ролями: отец в роли Крокодила как одной из частей личности сына, Рюдигер в роли положительной стороны своей личности – хитрой Лисы, а во второй сцене – в роли четырехлетнего Яна, символизирующей его регрессивные желания.

Образ матери также стал более дифференцированным благодаря двум ролям – требовательно контролирующей матери и заботливо дающей матери. Мать стала лучше осознавать свое различное отношение к детям.

Я сам в роли Старого Лиса был поддерживающим двойником, а в роли Рюдигера я отражал мальчику его внутриличностный конфликт между необходимостью справиться с адекватной его возрасту нагрузкой в школе и дома и регрессивной тенденцией, вносящей свой вклад в соперничество с братом. По поводу таких интервенций Крюгер замечает: «Обмен ролями как психодраматическая техника имманентно охватывает построение ситуации на сцене, игру и отражение. Он углубляет и расширяет поле конфликта и помогает снять защиту, осуществляемую посредством механизмов проекции, отрицания и идентификации» (Kruger, 1989).

Можно добавить, что обмен ролями помогает опираться на ресурсы. Так, например, благодаря введению фигуры Ли-

сы «патовая ситуация» во взаимодействии фигур ослабилась уже во время работы со скульптурой, а самовосприятие Рюдигера стало более дифференцированным. Взгляд родителей также освободился от фиксации на Крокодиле, и они смогли глубже понять возникшую проблематику, прежде всего горькие переживания Рюдигера, когда он из-за своего упрямства сам вытеснял себя со своей «центральной позиции» принца.

В роли Старого Лиса у меня была возможность помочь мальчику выдержать напряжение конфликта, отраженного отцом и матерью в разыгранной сцене. Диалог со Старым Лисом заставил Рюдигера задуматься о собственных мотивах, что могло способствовать поиску решения конфликта.

Даже те дети, которые сразу начинают сопротивляться любому дублированию, потому что они воспринимают его как нечто слишком внедряющееся в их внутренний мир и раздражающее, хорошо принимают двойника в виде животного-друга. В такой форме двойник – желанный спутник и помощник для ребенка, как и для многих сказочных героев.

Процесс оборудования сцены очень важен для «разогрева» семьи. Кроме того, у консультанта должна быть как можно более четкая картина данной конкретной ситуации. Он должен задавать вопросы в связи с обустройством сцены, для того чтобы семья могла проецировать свои собственные представления на фрагменты обстановки. В семье – благодаря фигурам, их «оживлению» и последующей ролевой игре – запускаются интенсивные обучающие процессы, кото-

рые время от времени делают прозрачными для семьи живое, подвижное взаимодействие между ее членами, межличностную динамику и симптоматику. Это, однако, не значит, что подобные конфликты не будут больше повторяться.

В заключение – еще несколько замечаний по поводу использования фигур в работе с детьми различных возрастов.

Дети младше пяти лет так «растворяются» в игре, что фигуры иногда обретают для них магически-реальное существование. Это усложняет для терапевтов понимание символического значения фигур, поэтому я считаю довольно затруднительным применение данного игрового материала при работе с маленькими детьми. Так, например, многие дети этого возраста бывают совершенно заворожены фигурой крокодила с распахнутой пастью, так как оральная тематика со всеми своими оттенками для этого возраста особенно актуальна. Получается, что не дети выбирают эту фигуру, а она «выбирает» их, глубоко впечатляя или пугая.

Если же восьмилетний ребенок берет крокодила, долго держит его в руке, потом снова убирает и играет с овцами и ягнятами, то в этом случае можно говорить о «процессе выбора».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.